

вить этот недостаток и наверстать упущенное. Я предлагаю, поэтому, снести съ сэромъ Монсеемъ Монтефиоре, величайшимъ почитателемъ Святой земли и предложить ему принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Этотъ почтенный мужъ, не разъ жертвовавшій Палестинѣ свои труды и средства, пользующійся громаднымъ довѣріемъ среди евреевъ всѣхъ странъ, вѣроятно не откажетъ намъ въ своей помощи". По сообщенію газеты, это предложеніе министра встрѣтило полное сочувствіе и одобреніе султана. Турецкое правительство предлагало на другой-же день телеграфировать своему послу въ Лондонѣ о томъ, чтобы онъ вступилъ въ переговоры по этому дѣлу съ Монтефиоре. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ пока нѣтъ. **Б.**

Намъ пишутъ изъ Бродъ: Сэръ Олифантъ наканунѣ отправился отсюда въ Константинополь. Туда-же поѣхалъ и П. Смоленскій, редакторъ „Гашахара“. Въ бытность сэра Олифанта въ Лембергѣ, мѣстный раввинъ, д-ръ Левенштейнъ, читалъ въ синагогѣ проповѣдь, въ которой ораторъ призываетъ прихожанъ къ участію въ дѣлѣ эмиграціи русскихъ евреевъ. Слова его не пропали даромъ: немедленно послышались пожертвованія и составилъ эмиграціонный комитетъ съ цѣлью оказывать помощь эмигрантамъ, двигающимся изъ Бродъ въ Америку. Сборнымъ-же пунктомъ для эмигрантовъ можетъ только служить г. Броды, такъ какъ въ Лембергѣ болѣе 24 часовъ имъ оставаться нельзя.

Въ Бродахъ число эмигрантовъ увеличивается несмыа быстро. Насчетъ Alliance отправляются пока только постепенно тѣ изъ нихъ, которые ждуть съ начала зимы. Всѣ эти эмигранты получаютъ изъ мѣстнаго комитета по 1 гульдену на человѣка въ недѣлю.

Кромѣ многочисленныхъ эмигрантовъ, ожидающихъ отправки насчетъ Alliance, здѣсь, въ Бродахъ, находится много, отправляющихся въ Америку на свой счетъ. Многие (особенно молодые и интеллигентные) организованы въ кружки (балтскій, кievскій, одесскій, бердичевскій и др.) съ цѣлью устройства земледѣльческихъ колоній. Эти кружки пользуются пособіемъ различныхъ эмиграціонныхъ комитетовъ; особеннымъ сочувствіемъ пользуется кружокъ балтскій—*Элу Си*, представитель котораго имѣлъ свиданіе съ сэромъ Олифантомъ.

Абшаль.

Изъ всѣхъ странъ свѣта.

Австрія.

Изъ Львова телеграфируютъ „Голосу“ отъ 27 апрѣля: Въ официальной газетѣ напечатано правительственное сообщеніе касательно эмиграціи русскихъ евреевъ. Оно указываетъ, что мѣстныя власти недостаточно внимаютъ въ значеніе и послѣдствія этого движенія. Правительство, уже при самомъ началѣ переселенія, распорядилось, чтобы власти въ точности освѣдомились о средствахъ помѣжоты вспоможенія эмигрантамъ, чтобы онѣ неослабно принимали надлежащія санитарныя мѣры и заботились о возможно скорой отправкѣ эмигрантовъ въ Америку. Пока русскіе евреи еще не оказались бременемъ для мѣстнаго населенія: англійскій комитетъ вспоможенія заявилъ, что онъ отправитъ всѣхъ прибывшихъ и позаботится, чтобы немнущіе эмигранты оставались въ дорогѣ возможно короткое время. Средства для выполненія этихъ трудныхъ задачъ у него достаточно, и онъ до сихъ поръ вполне удовлетворялъ принятымъ на себя обязательствамъ.

Германія.

➤ Послѣ рѣчей Элингера, въ Мангеймѣ собраны 24,202 м. въ

пользу русскихъ евреевъ, въ Фюртѣ 24,000 м., въ Нюрнбергѣ 86,000 марокъ.

➤ Сумма собранныхъ докторомъ Гильдесгеймеромъ пожертвованій въ пользу русскихъ евреевъ дошла до 24.601 марки.

Франція.

Въ Парижѣ вѣдизъ принялъ еврейство молодой ученый Эрвель Биллье, уроженецъ города Тулона, 28 лѣтъ. Г-ръ былъ совершенно поголомъ Зоимеромъ, въ ассистенціи доктора Клейна. Новообращенный принялъ имя Исаака.

Америка.

Питтсбургское общество имени Крекье извѣстило нью-йоркскій еврейскій эмиграціонный комитетъ о томъ, что оно согласно взять на себя обезпеченіе нѣсколькихъ партій эмигрантовъ изъ Россіи.

➤ На-дняхъ, въ Циципинати умеръ извѣстный реформаторскій раввинъ докторъ Лилендаль. Инокійный родился въ Мюнхенѣ, долгое время жилъ въ Регѣ, и затѣмъ переселился въ Америку, гдѣ стоялъ во главѣ реформаціоннаго движенія среди американскихъ евреевъ и основалъ въ Циципинати „Rabbinical Literary Association“ (Раввинское литературное общество).

Румынія.

Докторъ К. Липпе, членъ румынскаго иллестивскаго общества, помѣстивъ въ „Jüdische Presse“ письмо въ опроверженіе извѣстнаго заявленія Неттера. Липпе пишетъ, между прочимъ: „Письмо г. Неттера, для насъ, по крайней мѣрѣ, появилось слишкомъ поздно. Собранныя нами наблюденія и свѣдѣнія привели насъ къ выводу, который мы никакъ не можемъ согласить съ неттеровскими. Независимо отъ этого, г. Неттеръ совершенно напрасно упустилъ изъ виду цѣлующую колонію въ Палестинѣ, близъ Мирона, у подножія Мейшеде, которая года 3 назадъ была основана еврейскими выходцами изъ Марокко, и богатую колонію Бетъ-Шахъ изъ 220 еврейскихъ семей“.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Письма дяди Якова.

Письмо второе.

Съ тѣхъ поръ, какъ вы напечатали мое первое письмо изъ Голодавки, въ положеніи голодавцевъ очень многое измѣнилось—и, разумѣется, къ худшему. Я и не выгадалъ вамъ все это время только изъ опасенія, какъ-бы намъ не стало еще хуже. Съ того дня, какъ англичане и американцы стали интересоваться нашими анти-срейскими норидеями, я не перестаю трепетать: какъ-бы не стало намъ еще хуже. Въ чемъ хуже, какъ хуже и можетъ-ли, вообще, намъ быть хуже, обо всемъ этомъ, правду сказать, я леснаго отчету себѣ не отдаю, но потому именно и трепещу...

Ужъ намъ трелета, видно, не мновать. Прежде мы трепетали въ ожиданіи погрома и изъ своимъ трепетѣ дошли до того, что съ тоски стали чуть-ли не молить небо: Ахъ, когдаже, наконецъ, насъ бить-то будутъ! Теперь богу, слава Богу, насъ уже побилъ. Казалось-бы—чего лучше: побили, потрепали насъ идоволь, не хуже другихъ, и всѣмъ-бы трепетамъ конецъ,—такъ вдругъ англичане...

— Знаете-ли, ребъ-Мойше, — говорилъ я, бывало, своему другу: надо-бы о нашемъ погромѣ корреспонденцію въ газеты пустить, авось отъ добрыхъ людей помощь какаа ибудѣ будетъ.

— Оставьте, дядя Яковъ, хуже будетъ.

— Почему хуже будетъ?

— А потому, что „блаженъ человѣкъ, иже вѣчно трепещетъ“, сказала Соломонъ-Мудрый. Англичанинъ вѣдь хитеръ,

того и глады, подхватить вашу корреспонденцію и опять пойдеть справлять по ней свои митинги, а намъ потомъ совместно будетъ нашему уряднику прямо въ глаза смотрѣть.

Нужно намъ знать, что нашъ голодаевскій урядникъ — человекъ очень деликатный (даромъ, что урядникъ) и къ европейскому общественному мнѣнію очень чувствительный. Въ эпоху берлинскаго конгресса онъ занималъ довольно видный постъ въ канцеляріи одного изъ полицейскихъ участковъ Вердичева, и благодаря отчасти его неуныннымъ стараніямъ, былъ тогда составленъ и опубликованъ знаменитый протестъ бердичевскихъ обывателей противъ Викоисфильда. Въ этомъ документѣ, какъ вы, вѣроятно, еще помните, бердичевскіе обыватели отярецивались отъ всякой солидарности съ Викоисфильдомъ и его злокозненной подавливой. Повалилъ-ли этотъ протестъ на падение ненавистнаго нашему уряднику англійскаго премьера — мнѣ неизвестно; надо полагать, что совѣтъ безъ вліянія протестъ не остался. Сужу по тому, что съ получениемъ у насъ извѣстій объ англійскихъ „преувеличеніяхъ“ нашъ урядникъ задумалъ было составить и отъ имени голодаевцевъ контръ-протестъ противъ протеста Дарвина, Тиндэля и всѣхъ ихъ сподвижниковъ по сю и по ту сторону атлантическаго океана. Мы, конечно, никогда не посмѣли бы отказать въ этой любезности нашему господину уряднику, постоянно твердившему, что онъ безъ угля отъ еврейской націи и еврейской фаршированной рыбы и что ничто въ мірѣ его такъ не огорчаетъ, какъ мысль о томъ, что мы, можетъ быть, подовриваемъ его во враждебныхъ къ намъ отношеніяхъ. Но на бѣду тутъ подвернулся нашъ погромъ и все дѣло разстроилось. Видъ погрома имѣлъ такое потрясающее вліяніе на его образъ мыслей, что, когда мы обратились къ нему за помощью, онъ, совершенно растерянный, крикнулъ намъ: „напловать мнѣ на вашу Европу и баста!“

* *

Теперь, разумѣется, намъ ужъ не до протеста. Однакожъ, въ интересахъ справедливости, я долженъ констатировать, что нападала преимущественно на наши пожитки и убивали лишь тѣхъ изъ насъ, которые почему-то вздумали защищаться. О фактахъ напавшій у насъ тоже не говорятъ; по крайней мѣрѣ, нашъ урядникъ ни одного протокола не составлялъ по подобнымъ дѣламъ. Вамъ известно, что по нашимъ законамъ судебное преслѣдованіе за изнасилованіе возбуждается лишь по жалобамъ потерпѣвшихъ; слѣдовательно, если кое-что и случилось-бы во время общей суматохи, то потерпѣвшая скорѣе согласится провалиться сквозозъ землю, чѣмъ привлечь къ отвѣтственности всю босяку команду въ совокупности, которая, какъ намъ опять известно, юридическимъ лицомъ нашими законами пока еще не признается. Изъ этого уже вы можете заключить, сколько официальной достовѣрности въ англійскихъ „преувеличеніяхъ“. Я считаю даже своимъ священнымъ долгомъ предупредить васъ, что если, паче ожиданія, кто-нибудь изъ голодаевцевъ сообщитъ намъ что-нибудь въ этомъ родѣ — ради Бога не печатайте... и отнесите это къ тѣмъ „преувеличеніямъ“, о которыхъ приличнѣе всего умолчать. А то перомъ чась, коварные англичане подхватятъ фактъ и вдругъ какая-нибудь свормная Сурва слѣдается предметомъ публичнаго митинга. Вѣдь потомъ ей, бѣдной, замужъ пикогда сельза будетъ выходить — если раньше не успѣла похоронить себя и свой позоръ въ синахъ водахъ ближайшаго пруда...

Описывать нашъ погромъ не стану. Вы за глаза, безъ всякихъ описаній это знаете. А la guerre comme à la guerre, все по установленному порядку. Если было что-нибудь оригинальное въ нашемъ погромѣ, то это развѣ то глубокое разочарованіе, которое должна была испытывать каждая „команда“, когда она возвращалась въ наши непростительно бѣдные лачужки. Воображаю себѣ, какъ проминали тогда плечету нашей обстановки, такъ плохо оправданъ ей репутацію эксплуататоровъ. Мой другъ ребъ-Мойшеле говорилъ мнѣ, что, слѣдя изъ-за угла за работою команды, онъ чуть не сорвался

стыда, когда молодцы, обшаривъ всю его лачужку, ничего цѣннаго не нашли тамъ, кромѣ никому повужныхъ книжекъ, за которыя самый глухой цѣловальникъ чарки водки не дастъ.

Однакожъ, какъ ни бѣдны мы были до погрома, а все-таки теперь бѣднѣе стали. А вѣдь думали мы раньше, что бѣднѣе насъ, голодаевцевъ, ужъ быть не можетъ. Ахъ, помощи, добрые люди, помощи! Пусть эта помощь выразится чѣмъ угодно, русскими-ли рублями, нѣмецкими-ли марками или французскими франками — лишь-бы не англійскими стерлингами. Мы, конечно, были-бы благодарны за всякую лепту въ пользу нуждающихся, но въ виду тѣхъ условій, которыми англичане сопровождаютъ свои лепты, намъ слово ея принять, — по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ нашъ урядникъ. И мы готовы скорѣе надыхать съ женами и дѣтьми съ голоду, чѣмъ причинять лишнее огорченіе нашему уряднику: вѣдь онъ теперь такъ о насъ заботится! Ахъ, какъ заботится. И чтобы хоть отъ кого-нибудь благодарность была! Современники не цѣнятъ, а оцѣнить-ля потомство — это еще Богъ вѣдаетъ...

* *

Съ нуждою мы, впрочемъ, еще какъ-нибудь помиримся-бы, но самымъ пагубнымъ послѣдствіемъ погрома и считаютъ тотъ страшный, ничѣмъ не вышолемый досугъ, который наступилъ у всѣхъ насъ послѣ послѣднихъ событій, вслѣдствіе полнаго и всеобщаго востанъ въ дѣлахъ. Отъ нечего дѣлать мы, разумѣется, по старой привычкѣ занимаемся душевными изліяніями. Это-бы еще не бѣда, но дѣло въ томъ, что наши душевные изліянія стали принимать въ послѣднее время какой-то фидій, грывущій характеръ, съ нѣкоторымъ даже отбѣнкомъ остреванія. Сначала мы грызли каждый поодиночкѣ и втихомолку самого себя, но, убѣдившись въ бесплодности этого рода занятія, мы стали грызть другъ друга. Грызть своего ближняго — удобнѣе и пикантнѣе, а главное, не будучи болѣе дѣломъ чисто субъективнымъ, она, эта грызотня, становится, нѣкоторымъ образомъ, дѣломъ общественнымъ, для всѣхъ почти доступнымъ. Но для того, чтобы не грызться въ равнорѣдъ, мы раздѣлялись на равныя партіи, чтобы общими силами другъ друга грызть и отгрызаться.

Ахъ, Господи! Какъ будто у насъ мало было горя и безъ этой взаимной грызотни!

Вѣда, конечно, не въ партіяхъ, а въ томъ, что каждая партія считаетъ себя единосохраняющей. Вы, наприимѣръ, хотите въ Америку: тамъ теперь не быть, — ну и цѣвайтесь съ Богомъ! Другому нравится въ Турцію, въ Палестину — тамъ тоже не быть, ну и счастливаго пути! Такъ понадобилась намъ вдругъ сплоченность... отступить, дескать, въ полномъ порядкѣ. Теперь-то додумались! Когда были насъ въ Голодаевѣ, мы не подумали сплотиться, чтобы общими средствами предотвратить бѣду или общими боками отстаивать своихъ женъ и дѣтей — а разбрелись каждый куда могъ, — кто на чердакъ, кто подъ печку. Въ Балтѣ, говорятъ, тоже самое было, а теперь вотъ неумѣнно и сейчасъ-же сплотиться! Ну, а если сплотиться, то ужъ нельзя безъ эмиграціонныхъ комитетовъ, которые направил-бы движеніе въ одну единосохраняющую сторону — иначе, пожалуй, блудныя овечки опять разбредутся. Для вышней надежности придется, пожалуй, председательство въ мѣстномъ комитетѣ поручить нашему уряднику, дабы онъ своей дланной нагайкой направилъ всѣхъ куда слѣдуетъ. А этого именно я и боюсь. А что если вмѣсто Палестины онъ вдругъ возьметъ да загонитъ насъ въ какую-нибудь Монголію?

Какъсь, грѣшнѣй, сначала я и не думалъ объ эмиграціи. Не то чтобы мнѣ не больно было, когда меня бьютъ, но потому, во 1-хъ, что тронуться четвѣмъ: манна небесная по желѣзнодорожнымъ ливіямъ не падаетъ; на пути изъ Египта въ обитовавную землѣ лежитъ теперь уже цѣлая цивилизація со всѣми ея прихотями и расходами. — А во-вторыхъ... какъ-бы вамъ это сказать... Вѣдь жалко, право, расстаться съ своей родиной, съ своимъ „русскимъ отечествомъ"... Ахъ, хоть вы-то, ради Бога, не смѣйтесь надо мною; довольно ужъ, что другіе смѣются. Погрыте-ли, что я не

могу провнести этого слова безъ того, чтобы не мѣяться въ лицѣ, чтобы кровь не бросилась мнѣ въ голову. И горько, и стыдно!

Подумайте только. 10 лѣтъ тому назадъ мон-же племянники постоянно упрекали меня въ томъ, что я-де, русскій гражданинъ, незнаю даже русской грамоты, упрекали въ ветхозавѣтности, въ обособленности, отчужденности и т. д. Я сознавалъ тогда, что они правы. И вотъ на старости лѣтъ, въ далекомъ закустѣ, вдали отъ всего русскаго, мы выиѣсь съ моимъ невѣрнымъ другомъ ребѣ-Мойше-Нѣмцемъ съ жаромъ припались за русскій букварь и, разумеется, на букварѣ не остановились. И, Воже мой, сколько трудовъ, сколько бессонныхъ ночей стоило намъ, чтобы преодолѣть этотъ чуждый намъ языкъ, эту чуждую намъ литературу. И теперь, когда, вдали-же отъ всего русскаго, ты самъ сталъ чувствовать себя русскимъ, радуясь русскому счастью и страдая русскимъ горемъ, когда въ разговорахъ и въ помислахъ ты сталъ гордиться „нашими“ русскими поэтами, „нашими“ русскими учеными, даже „нашими“ русскими „Антоволевскими“, „нашими“ русскими“ Рубинштейномъ — такъ вдругъ бац! одинъ погромъ, другой, третій... и ты ошеломяченный и ошелюванный, пугливо озираешься кругомъ: гдѣ-же все это „наше русское“? И когда, по старой привычкѣ, у тебя неволью сорвется съ языка это нѣкогда (а можетъ быть, и теперь еще) дорогое твоему сердцу слово, тебѣ дѣлается какъ-то совѣстно предъ самимъ собою и, закусивъ губы, думаешь: Ахъ, какъ-бы только не услышалъ это нашъ урядникъ: потѣ-бы хохоталъ...

Вамъ слышно, господа! А мнѣ, право, вся кровь въ голову кидается, когда думаю объ этомъ...

И вотъ недавно прѣзжаетъ мой старшій племянникъ на канкуллярное время изъ университета. Онъ засталъ меня углубленнымъ въ чтеніе одного изъ моихъ любимыхъ русскавъ поговѣ.

— Вы это чѣмъ занимаетесь, дядя Яковъ? — спрашиваетъ онъ меня послѣ первыхъ привѣтствій, нагибаясь надъ моей книгой.

— Какъ видишь, читаю нашего русскаго... — произнесъ я въ отвѣтъ и кофѣзливо зашушукалъ.

— Ахъ, дядя, дядя, какъ вижу я, вы несправимы! Какой онъ вамъ „нашъ русскій“? Что вы Россія и что Россія вамъ? Пора, наконецъ, бросить эту фантазію и заниматься дѣломъ.

И съ этими словами онъ швырнулъ на полъ лежавшую предо мною книгу и, вынувъ изъ кармана небольшую книжку, развернулъ ее предо мною.

Это была „Новѣйшій самоучитель англійскаго языка“.

— Мы ѣдемъ, дядя, въ Америку и вамъ надо знать языкъ нашего будущаго отечества, — пояснилъ мой племянникъ свой безцеремонный поступокъ, — учитесь, дядя!

Опять учиться! Господи, другіе живутъ себѣ отечество и имъ ничего для этого знать не нужно, а мы, вѣчно гонимые за этими признакомъ, учимся, учимся и все безъ проку. Большую половину моей жизни я истратилъ на изученіе языковъ моихъ бывшихъ отечествъ на берегахъ Иордана и Евфрата, прелюбные годы истратилъ я на изученіе языка моего настоящаго отечества, а теперь, чуть не на краю могилы, пойди, изучай языкъ какого-то невѣдомаго будущаго отечества! А что, если и впередъ мое прилежаніе не будетъ оцѣнено по заслугамъ и черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ придется искать новѣйшаго самоучителя другаго языка, другаго какого-нибудь будущаго отечества? Страшно подумать, какими отчаяннымъ лингвистомъ представу я когда-нибудь въ то заоблачное отечество, гдѣ всѣ языки одинаково умолакаютъ...

Нечего было дѣлать: скрѣпя сердце, я взялся за самоучитель и мысленно сталъ уже проносить рѣчи на незнакомомъ мнѣ англійскомъ языкѣ въ сврейскомъ парламентѣ будущаго еврейскаго штата въ сѣверной Америкѣ, какъ вдругъ прѣзжаетъ мой младшій племянникъ.

— Вы чѣмъ это занимаетесь, дядя?

— Какъ видишь, англійской грамматикой, ѣду въ Америку ѣдемъ.

— Въ Америку! ни за что. Каждый, кто уйдетъ въ Америку, потерявъ для еврейства. Неужели вы рѣшитесь увеличить собою число потерянныхъ? Нѣтъ, дядюшка, или погибнуть, или въ Палестину! Знамя подаято! Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!

Правду сказать вамъ, я всегда виталъ въ душѣ нѣкоторую слабость къ нивѣ пустынной, но нѣкогда цвѣтущей Палестины. Заповѣданную намъ пророками идею о возвращеніи въ Палестину я всегда таялъ, какъ завѣтную мечту, въ глубинѣ моего сердца. Въ душѣ исповѣдывалъ я эту идею еще тогда, когда проповѣданіемъ ея вслухъ я вызывалъ только ироническую улыбку на устахъ моихъ знакомыхъ и громкій хохотъ на устахъ того же самаго племянника, который стоитъ теперь за все горю. Я даже думалъ всегда, что эта идея, служащая преобладающимъ мотивомъ большей части еврейскихъ молитвъ, сознательно или бессознательно присуща каждой еврейской душѣ; что эта идея, свѣтлой линіей проходящая чрезъ всю нашу исторію, связывая настоящее съ прошедшимъ, съ одной стороны, и съ будущимъ, съ другой — что эта именно идея одна и сохраняла еврейскій народъ среди всѣхъ постигавшихъ его страданій и гоненій. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что восторженно-рѣзкій топъ моего племянника нѣсколько смутилъ меня. Я всегда думалъ, что для осуществленія этой идеи мы еще недостаточно настроились... что для колонизаціи Палестины намъ надо еще „многому научиться и отъ многого отучиться“, по выраженію Нахума-иш-гамъ-зу. Но если событія насильно толкаютъ насъ туда теперь уже, то именно для торжества идеи необходимо, чтобы туда не пошла „званная“, а пошла „избранная“; не тѣ, которые нечего терять, а тѣ, которые во всеоружіи матеріальныхъ и духовныхъ силъ желаютъ много выиграть. Пусть идетъ туда всякій, кто имѣетъ своего Бога въ сердцѣ, кто способенъ работать и трудиться не только для своего личнаго блага, но и во имя одушевляющей его идеи; но пусть эти пионеры не считаютъ потерянными для еврейства и его идеаловъ всѣхъ тѣхъ, кои останутся вѣрными своему давню пасиженному или вновь приобретенному отечеству. Я никогда не считалъ потерянными для еврейства тѣхъ миллионъ евреевъ, которые во время Еадры и Нехеминъ остались разсыпанными въ Вавилоніи и другихъ странахъ, послѣ того, какъ небольшая только кучка пионеровъ эмигрировала, съ согласія Кира, въ Палестину. И тѣ, и другіе совершили свой историческій долгъ. Не они ли, эти разсыпанные миллионы, вынесли на своихъ плечахъ еврейство, послѣ того какъ все наличное населеніе Иудеи было уничтожено и продано въ рабство римскимъ варварамъ?

Но въ сплоченности вся сила еврейства! Разсыпанное и разбросанное еврейство пережило не одного сплоченнаго и прикрѣпленнаго къ почвѣ народа. Это знали еще наши талмудисты; они говорили: „Благодѣяніе оказалъ Господь Израилю, что разсыпалъ его между народами“. Какъ народъ сплоченный и прикрѣпленный къ почвѣ, какъ народъ въ стратегическомъ смыслѣ этого слова, евреи были раздавлены подъ натискомъ римскаго колосса, но какъ національность, какъ воплощеніе вѣчной исторической идеи — они восторжествовали надъ этимъ колоссомъ. Национальностью относится къ народу, какъ животный организмъ къ растительному. Оторвите растеніе отъ питающей его почвы, оно займется и погибнетъ; но национальность, какъ животный организмъ, живетъ своей внутренней силой, своей исторической миссіей. А сила еврейства заключается въ національномъ его наслѣдіи, въ завѣщанной ему пророками вѣрѣ, что будетъ нѣкогда день, когда воля будетъ мирно уживаться съ агнеюкомъ, когда люди перекутутъ свои мечи въ плуги и свои конья — въ серпы, когда народъ противъ народа не подниметъ меча и не будутъ упражняться въ войнахъ“. И если еврейству суждено когда-нибудь воскреснуть, какъ „народъ“, если, какъ народъ, оно когда-нибудь

осуществить свою миссию для самого себя, то и растлывшие его силы, благодаря глубоко вкоренившемуся в них отвращению к мечу и крови, зарыжая этим отвращением и другия, будут работать таким образом для всего человечества.

Мой племянник сначала слушал меня внимательно, но затѣмъ итъ, видимо, омадѣло сильное нетерпѣніе, оиъ едва слушалъ меня. Наконецъ, оиъ не вытерпѣлъ и воскликнулъ:

— Подло философствовать, дядя. Намъ пора „дойти“, намъ всѣмъ! Готовьтесь въ путь, ѣдемъ въ Палестину.

Съ этими словами оиъ швырнулъ на полъ лежавшій все еще раскрытый предо мною англійскій самоучитель и, развернувъ предо мною небольшую книжечку, испещренную какими-то странными каракулями, отъ которыхъ у меня зарыбило въ глазахъ, и ткнувъ въ нее пальцемъ, оиъ прибавилъ:

— Учишься пока, дядя,—это языкъ нашего будущаго отечества!

„Новое руководство къ арабской грамматикѣ“—прочелъ и въ заглавіи этой книжки, и я принялся ее изучать, поминутно вдыхая и выдыхая конторки про себя многозначительное: „пора домой!“

— А какъ вы думаете, ребъ-Мойше, — спрашиваю и своего друга: — прса-ли намъ домой или нѣтъ?

— Вы т. е. насчетъ переименованія Палестины оиить въ Иудею?

— Хотѣ-бы и насчетъ этого.

— Но мнѣ давно пора. Я, по крайней мѣрѣ, готовъ коти сію минуту.

— Да разнѣ вы знаете уже арабскій языкъ?

— Нѣтъ, дядя Исаакъ. Это еще посидѣть; но я вотъ въ какомъ-смыслѣ готовъ. Въ талмудѣ сказано, что сынъ Давида не придетъ, пока не исчезнетъ послѣдній кофѣйка изъ кармана. Вы знаете, что у меня давно ужъ нѣтъ кофѣйки за душою. Остановка теперь только изъ-за нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ „гвиримъ“, но еще два, три погрома и мы всѣ будемъ готовы... Только не поздно-ли ужъ будетъ? прибавилъ ребъ-Мойше съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ, и оборвалъ разговоръ.

Нужно вамъ знать, что ребъ-Мойше въ последнее время сталъ, вообще, неузнаваемъ: оиъ какъ-то обрюзгъ и совершенно утратилъ духомъ. Даже душевными изліяніями не любитъ больше заниматься. Вонесшая въ последнее время въ ходъ взаимная грызотня совѣмъ удручила его. Съ одной стороны, ликующие на голодный желудокъ возгласи: „знами подпато“, „пора домой!“ — въ то время, когда прежде всего у васъ просить не знаменн, а хлѣба насущаго; — съ другой-же стороны, ехидная на сытый желудокъ насѣшка нашихъ гвиримъ, которые, отвергая званія, отказываютъ своему ближнему и въ хлѣбѣ... Съ одной стороны — навьяме „дипломаты будущаго“, которые держатъ свои карты напоказъ и, сидя въ Голодаевѣ, завѣшиваютъ себя Палестиною, забывая, что линия откровенности — хсти достойная, но не всегда полезная добродѣтель; а съ другой стороны, тонкіе „дипломаты настоящаго“, ловко прикрывающіе дебобы къ отечеству свое равнодушіе къ ближнему...

Помните-ли, въ первой моей корреспонденціи я передалъ вамъ прекрасную идею моего друга объ учрежденіи страховаго общества, въ которое каждый еврей обязательно долженъ былъ-бы внести известныя проценты изъ своихъ доходовъ для обезпеченія себя на случай погрома отъ голодной смерти. Вы окрестили мою корреспонденцію „фельетономъ“, а на фельетонъ, известное дѣло, серьезные люди вниманія не обращаютъ. Такъ эта идея и осталась втунѣ. Попробовать ребъ-Мойше учредить такое-же мѣстное общество, и оиъ не провалялся. Изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не воспользовался страхомъ преміей для эмиграціи, наши гвиримъ отказались внести свои вклады; и на проценты съ доходовъ нашихъ простыхъ обывателей,

между нами будь сказано, ѣдѣ далеко не уѣдешь. Теперь вотъ случился погромъ и большая часть пашахъ прежнихъ гвиримъ торбу надѣли, а сами-же съ голоду умираютъ. А какъ пригодилсь-бы теперь эти деньги!

А ѣдѣ возможно, что суще-звуй у насъ такое страховое общество, съ солидными, разумѣется, основными капиталомъ, погромовъ и не было-бы... Выходить, что мы потеряли все только изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не покинулъ дорогаго намъ отечества. Словомъ, всему виною наша любовь къ отечеству, т. е. наше полное равнодушіе къ страдающимъ ближнимъ. На-те, дескать, громите, жгите, паслуайте, дѣлайте съ нами что угодно, а мы все-таки сами не уѣдемъ, но и дружить на это гроша мѣднаго не дадимъ. А говорить оице, что мы не патриоты!

Дожоивъ, однакожь, намъ прибавить, что впоследствии мой другъ самъ откачался отъ учрежденія страховаго, какъ и всякаго другаго, общества, за что не разъ подвергался безпопаднымъ нападкамъ со стороны всѣхъ знаменитостей, какъ американскаго, такъ и палестинскаго лагеря. Одно время его подозревали даже въ стачкѣ съ нашими гвирими, что его особенно огорчало. Долого не могъ я добиться отъ него объясненія причинъ этой перемѣны въ его образѣ мыслей. На всѣ мои разспросы оиъ отвѣчалъ мнѣ, обыкновенно, известной талмудической поговоркой: „горе мнѣ, если буду говорить, горе мнѣ, если буду молчать“; а затѣмъ, бывало, махнеть рукою и заговорить о чемъ-нибудь постороннемъ. Надихъ только дѣло совершенно для меня разъяснилось.

* * *

Какъ-то разъ заходитъ ко мнѣ нашъ голодаевскій писарь, ребъ-Менделѣ-Законникъ, и застаетъ насъ вмѣстѣ за арабской грамматикой, которую мы стали изучать по настояніямъ моего младшаго племянника. Ребъ-Менделѣ-Законникъ — это ходячая газета, отъ него вы всегда получите самыя свѣжія новости по внѣшней и внутренней политикѣ, за достоверность которыхъ оиъ самъ ручается, ибо оиъ имѣетъ большія связи съ официальными миромъ, въ лицѣ нашего урядника, съ которымъ оиъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ. Говорить даже, что урядникъ часто удостоивалъ его (до погрома, разумеется) отвѣдывать у него по субботамъ фаршированную à la juif рыбу, мастерски приготовленную известной ребъ-Менделѣ-Законникъ. Впрочемъ, это къ дѣлу не относится.

— Вы чѣмъ это занимаетесь, — спрашиваетъ оиъ меня, искоса поглядывая на наши каракульки.

Я объяснилъ ему.

— А разнѣ вы ѣдете въ Палестину?

— Нѣтъ, такъ, на всякій случай.

Оиъ посмотрѣлъ на меня серьезно и, выпрямившись, спросилъ:

— Вы любите отечество?

— Люблю.

— Стало быть, останетесь въ Россіи?

— Пока не прогонять.

— Въ такомъ случаѣ, я могу насъ обрадовать новостью: бросьте наши каракульки и займитесь лучше дѣломъ, время не терять.

И, швырнувъ въ сторону арабскую грамматикую, оиъ развернулъ предъ нами новую, съ иголочки, книжку, въ заглавіи которой значилось: „Новый путеводитель по Средней Азіи съ приложеніемъ разговоровъ на калмычскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ и тибетскомъ нарѣчіяхъ“.

— А на кой чертъ мнѣ всѣ эти нарѣчія?

— Это языки нашихъ будущихъ отечествъ, готовьтесь къ пути, мы ѣдемъ въ Монголію.

Я выпучилъ отъ испуга глаза.

— Да что мы будемъ тамъ дѣлать?

— Ничего не будемъ дѣлать. Это, говорить, прекрасная страна, гдѣ растутъ лишь смоква да виноградъ. Вотъ мы и будемъ тамъ беззаботно сидѣть, „всякъ подъ своимъ виноградникомъ и всякъ подъ своей смоковницей“, не боясь погромовъ (тамъ нѣтъ еще „коренныхъ“) и обзаванные лишь раз-

вивать тамъ торговлю и промышленность, какъ мы сдѣлали это раньше на югѣ Россіи. И если мы эту обязанность исполнимъ какъ слѣдуетъ, такъ что и кореннымъ возможно будетъ туда приходиться, то насъ, въ награду за отличные успѣхи, переведутъ въ казую-нибудь другую Монголію, гдѣ еще больше растеть смоквы и винограда и гдѣ мы опять должны будемъ развивать торговлю и промышленность и т. д., и т. д.

— Но туда вѣдь страшная даль, на какия средства мы поѣдемъ туда?

— Вы вотъ устройте свое страховое отъ погромовъ общество съ тѣмъ, чтобы премія за погромъ выдавалась лишь тѣмъ, которые поѣдутъ въ Монголію.

Непринимавшій до сихъ поръ участія въ разговорѣ ребе-Мойшеде тутъ не вытерпѣлъ и, сдѣлавъ отчаянный жестъ рукою, произнесъ:

— Нѣтъ, ребе-Мейделе, этому не бывать: въ Монголію не поѣдемъ.

— Но вѣдь тамъ, говорятъ, растеть смоква...

— Знаю, знаю, какія тамъ смоква растеть: по хотѣ-бы тамъ росли золотыя яблочки—я то не поѣду.

— Но вѣдь вы, вѣроятно, Россію любите...

— Россію люблю по меньше васъ, а въ Монголію не поѣду.

— Объясните-же, почему.

— А вотъ почему. Однажды, — рассказываетъ въ талмудѣ, — римляне запретили евреямъ, подъ страхомъ смертной казни, заниматься наукой. Для евреевъ это былъ жестокий, невозможный законъ, и они вынуждены были его „обходить“. Обходилъ его и знаменитый учитель раби-Авина, аудиторія котораго состояла изъ 24,000 учениковъ. — „Стоитъ-ли изъ-за науки подвергаться опасности, — спрашиваетъ его, однажды, вѣкій Паност-бенъ-Геуда: — вѣдь узнаютъ объ этомъ римляне и тебѣ не одобряютъ.“ А раби-Авина ему въ отвѣтъ: „Позволь мнѣ рассказать тебѣ одну притчу. Гуляли, однажды, лисица на берегу рѣки и видить, какъ рыбки въ страхѣ мечутся изъ стороны въ сторону, какъ-бы ища убѣжища отъ угрожающей опасности. — Чего вы такъ мечетесь, милая рыбка? — спрашиваетъ ихъ лисица. — Вѣдь вы отъ страшныхъ неводоѣвъ, которые здесь люди разставляютъ повсюду, чтобы погубить насъ.“ — (Хота-же вамъ, — говоритъ лисица, — жить въ этой невѣрной стихіи, въ водѣ, гдѣ вы вѣчно подвергаетесь опасности: не лучше-ли вамъ будетъ выйти ко мнѣ на сушу и тамъ, въ отдаленной рощѣ, жить со мною въ мирѣ и ладѣ, какъ жили вѣкогда мои предки съ вашими?“. Но рыбки отвѣчаютъ: „Ты-ли это, лисица, про которую илеть молва, что ты умнѣйшій изъ зѣбрей? Если въ нашей жизненной стихіи намъ вѣчно приходится трепетать за свою жизнь, то вѣдь этой стихіи намъ не прожить ни одной минуты: тамъ безъ людской злобы скоро задохнемся...“

— Появилъ-ли вы теперь? Если здѣсь, чуть-ли не у центра цивилизаціи, на виду всей просвѣщенной Европы, насъ среди бѣды дая грабятъ, убиваютъ, безчестятъ, и вѣтъ намъ ни отъ кого защиты, то чего ждать намъ отъ дикихъ обитателей дикой и пустынной Монголіи? Да, мы тамъ задохнемся и безъ людской злобы. Цивилизація—это наша жизненная стихія; если она не спасла насъ отъ злыхъ людей, то не она виновна въ нашихъ страданіяхъ, а ея исполнота, ея отсутствіе. На одну только цивилизацію мы и надѣемся, для ея развитія мы должны работать, здѣсь и повсюду. И если мнѣ здѣсь, на моей родинѣ, сдѣлаютъ жизнь дотою „неудобной“, что она станетъ „невозможной“, я уйду въ Палестину, въ Америку—повсюду, куда только доходитъ дыханіе цивилизаціи. Дымовой столбъ локомотива — этотъ вѣрный спутникъ современной цивилизаціи—будетъ моимъ „огненнымъ столбомъ“ на пути моихъ странствій: я пойду и въ Месопотамію, если этотъ огненный столбъ покажетъ мнѣ туда дорогу, но въ Монголію пойти—ни за что!

— Знаете-ли, дядя Яковъ, — прибавилъ ребе-Мойшеде, круто обернувшись ко мнѣ: — надо вамъ написать сейчасъ корреспонденцію въ газеты.

— А не будетъ-ли хуже?..

— Нѣтъ, хуже быть не можетъ; напишите мнѣ, что мы

съ вами въ Монголію не поѣдемъ, ни за что не поѣдемъ. Такъ я напишите!

Вотъ я и написалъ.

Дядя Яковъ.

Съ подлиннымъ вѣрно

Буки-бенъ-Юганъ.

Пожертвованія въ пользу евреевъ, пострадавшихъ во время безпорядковъ въ Балтѣ.

Вахмутъ (черезъ М. М. Заславскаго): по 25 руб.: М. М. Заславскій, М. Л. Уманскій, П. Животисскій; по 20 руб.: С. Уманскій, А. Абрамовичъ, Г. Гершковичъ; по 15 руб.: С. Трахтеровъ, Ал. Аптекманъ, Аб. Аптекманъ; Л. Абрамовичъ—10 руб.; по 5 руб.: П. А. Пеликовъ, М. Камаревъ, М. Сангурскій, М. Сашкинъ; по 3 руб.: А. Красунскій, Я. Розенбергъ, С. Ротенбергъ, О. Лейферовъ, А. Французовъ, И. Врусилонскій; по 2 руб.: Л. Фарманъ, М. Остроуховъ, М. Мордковичъ, М. Кауфманъ, И. Сикковъ, С. Остроуховъ, Л. Абрамовъ, М. Паланъ, Г. Шоринъ, М. И. Уманскій, П. Валдштейнъ, И. Г. Пониковъ, М. Аптекманъ; по 1 р.: Рубачинъ, А. А. Аптекманъ, Т. Врусилонскій, Я. Мордковичъ, М. Гершковичъ, С. Шмаевъ, И. Ханмовичъ, М. Эпштейнъ, Н. Кирперъ, М. Браиловскій, Абрамовичъ, М. Любаронскій, Диментъ, М. Сикковъ, В. Могилевскій.

Владикавказъ (черезъ Л. Зактрегера): М. Пенковичъ—5 р., Моис. Хазановъ—3 р.; по 1 р.: А. Исаковичъ, Л. Зактрегеръ, І. Ладжонскій, Я. Рувинскій, М. Вумброкъ, Я. Цеховой, А. Шалсонъ, К. Вечхойзеръ; по 50 к.: Н. Золотаревъ, Я. Автлевичъ.

Галичъ: Фотогр. М. Гольдфайнъ—3 р.

Глуховъ: Дворянинъ Іосифъ Антоновичъ Савинскій—5 руб.

Сел. Деянъ (черезъ Егора Вранцова): по 3 р.: Е. Шербаковъ, Иванъ Волотинъ; по 1 р.: И. Плужниковъ, П. Петровъ, А. Ницахеръ; по 80 к.: С. Мартинова, А. Саидлеръ; Е. Вранцовъ—40 к.

Екатеринославъ (черезъ М. В. Майдаискаго): М. В. Майдаискій—25 р., В. Л. Штейнъ—15 р.; по 10 р.: Ф. Заславскій, А. Славензонъ и черезъ А. Славизона; по 5 р.: А. Шарфъ, Д. Крацовъ, Е. Гуровичъ и Х. Майеръ; по 3 руб.: И. Торговицкій, І. Глускинъ, М. Дубинскій, И. Оршанскій, С. Влохъ, Гольдбергъ (изъ Кіева) и И. Тейтельбаумъ; по 2 р.: А. Ленигуровичъ, И. Немировский, В. Шохеръ, М. Златинъ, Л. Элясбергъ, Г. Лурь, И. Шюргоперъ, М. Елавичъ, Голобородко, С. Крацовъ и Я. Выховскій; по 1 р.: П. А. Майдаискавъ, Э. Эльманъ, Е. Липавскій, Л. Подуровскій.

Симферополь: Як. Гадалевичъ—5 руб., П. Ф. К.—3 руб.

С.-Петербургъ: Фотогр. А. Ясвицъ—10 р., С. Харитъ—5 р., Сангурскій—5 р., А. Зинде—3 р., Г. Н. Соркинъ—10 р.

Въ редакцію газ. „Москов. Вѣдом.“ въ пользу лицъ, пострадавшихъ отъ погрома въ Балтѣ. Легичевъ, Дубоссарскъ, Влацанскъ и др. гор. поступило пожертвованій 2096 р. 18 к.

Пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ погромовъ евреевъ, находящихся въ Бродяхъ.

Меньшполье: Отъ братьевъ Эрнеста и Геронима Ласкинъ—5 р.

С.-Петербургъ: Фотогр. А. Ясвицъ—100 р.

Поти: по 3 р.: А. Кельнеръ и О. Кагуринъ; по 2 р.: Д. Блюмбергъ, Немировский, Кершбаумъ, А. Лейбманъ, А. Обермейстеръ, В. Жагановъ; по 1 р.: В. Кофре, М. Угеръ Р. Лейзеровичъ, А. Обермейстеръ, І. Мостковъ, Цейхаль, Вестерманъ, Я. Звиринъ, Ш. Лейбовачъ, Н. Лейбовичъ; по 50 к.: Л. Мостковъ, Я. Фридманъ, Я. Смоликъ, Х. Клановъ.

Намъ сообщаютъ изъ Москвы, что известный московскій купецъ